

СТРУКТУРНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Н.В. ЛАТОВА,

кандидат социологических наук,
научный сотрудник Института социологии РАН, г. Москва,
e-mail: nlatova@hse.ru;

Ю.В. ЛАТОВ,

доктор социологических наук, кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник Академии управления МВД России, г. Москва,
e-mail: latov@mail.ru

Рассматривается проблема институционально обусловленных структурно-профессиональных диспропорций – разрывов (диссонансов) между профессиональными структурами спроса на труд, спроса на образование и предложения образовательных услуг. Проблемы постсоветской России в этой области во многом аналогичны проблемам других стран догоняющего развития (например, Индии): перепроизводство специалистов по гуманитарным специальностям, недопроизводство специалистов по техническим и естественно-научным специальностям. Для доказательства существования и измерения величины структурно-профессиональных диспропорций анализируется статистика структур спроса на труд, спроса на постшкольное образование и предложения образовательных услуг по разным специальностям/направлениям и профессиям в России 2000–2010-х гг. Сделан вывод о том, что между профессиональными структурами спроса молодежи на образование и предложения постшкольных образовательных услуг резких диспропорций нет, зато они существуют между ними двумя и профессиональной структурой спроса на труд в народном хозяйстве. Предложена классификация основных институциональных факторов, влияющих на поведение молодых людей при выборе ими профессии и формирующих структурно-профессиональные диспропорции.

Ключевые слова: система высшего и среднего специального образования; рынок труда; спрос на труд; спрос на образование; предложение образовательных услуг; диспропорции профессиональной структуры; институты; социология образования; экономика образования.

STRUCTURAL AND PROFESSIONAL DISPROPORTIONS IN MODERN RUSSIA

N.V. LATOVA,

Candidate of Sociology (PhD), Staff Scientist,
The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
e-mail: nlatova@hse.ru;

Yu.V. LATOV,

Doctor of Sociology (DSc), Candidate of economic sciences (PhD),
Leading staff scientist, Management Academy of the
Ministry of the Interior of Russia, Moscow,
e-mail: latov@mail.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01985 «Образование, рынок труда и социальное поведение молодежи в современной экономической ситуации») в Институте социологии РАН.

Institutionally caused structural and professional disproportions (dissonances) between the professional structures of labor demand, education services demand and education services supply, are emphasized by the authors. In this regard, problems of Post-Soviet Russia are similar to those occurring in other catching-up countries (India, for example), including: the oversupply of specialists in humanities, the undersupply of specialists in technical and natural sciences. To prove the existence and to measure the structural and professional disproportions statistics is analyzed, including structures of labor demand, the demand for postschool education and the supply of educational services in different specialties, areas and professions in Russia in 2000-2010s. The conclusion is made that there are not severe disproportions between the professional structure of youth demand for education services and that of postschool educational services supply. Instead, they do exist between the two above-mentioned structures, on the one hand, and the professional structure of demand for labor in the economy, on the other hand. The classification of the major institutional factors affecting the behavior of young people in the choice of profession, causing structural and professional disproportions is proposed.

Keywords: *system of higher and secondary special education; labor market; demand for labor; demand for education; supply of educational services; disproportions of professional structure; institutions; sociology of education; economics of education.*

JEL classifications: *I21, I25, J23.*

Россия, как и другие страны догоняющего развития, характеризуется многими «клубками» противоречий и диспропорций. Один из таких «гордиевых узлов» – это противоречие между тем, какие профессии нужны реальному производству, тем, каких специалистов действительно готовит российская образовательная система, и тем, на кого хотят учиться молодые люди.

1. Идеалы и реалии воспроизводства трудовых ресурсов

Идеальная технократическая модель. Рассмотрим, прежде всего, какую роль в идеале должна играть система высшего, среднего и начального специального образования² в подготовке кадров для производства.

Российское общество с некоторым опозданием пережило те же революции в системе образования, что и развитые страны Запада³. Это, во-первых, введение всеобщего среднего (школьного) образования и, во-вторых, постепенный переход на всеобщее постшкольное образование. Современное производство требует работника, который имеет не только универсальные базовые знания, но также специализированные углубленные знания по конкретной профессии. Работники без образования и даже со школьным образованием могут найти рабочие места лишь на низших должностях и далеко не во всех отраслях экономики. Главной «кузницей кадров» (включая рядовых сотрудников) для современного производства давно стали высшие учебные и средние специальные учебные заведения (вузы и ссузы).

Представим, как могла бы выглядеть идеальная модель взаимодействия производства, постшкольного образования, государственного управления и населения (граждан), в которой нет диспропорций. Для реализации такой модели необходимо «регулярное государство», реализующее следующий технократический алгоритм (рис. 1):

- государственные менеджеры и аналитики (государственное управление), обобщая информацию о развитии производства, формулируют прогноз структуры потребности национальной экономики в специалистах разных профессий и доводят этот прогноз до вузов/ссузов и граждан;
- на основе прогноза система высшего и среднего специального образования (постшкольного образования) формирует такую структуру приема учащихся по различным специальностям, которая максимально бы приближалась к спросу на молодых специалистов, ожидаемому через несколько лет;

² Далее в статье эта система обычно обозначается как «вузы/ссузы», хотя учреждения начального специального образования обычно отделяют от учреждений среднего специального образования (ссузов).

³ Подробнее об эволюции образовательных систем см., например: (Диденко, Латов, 2013).

- молодежь и их родители (население), получив информацию об ожидаемом спросе на труд и о предложении вузами/ссузами мест для учащихся, формируют такую структуру распределения учащихся по различным специальностям, которая соответствует будущим потребностям производства и текущим возможностям образовательной системы.

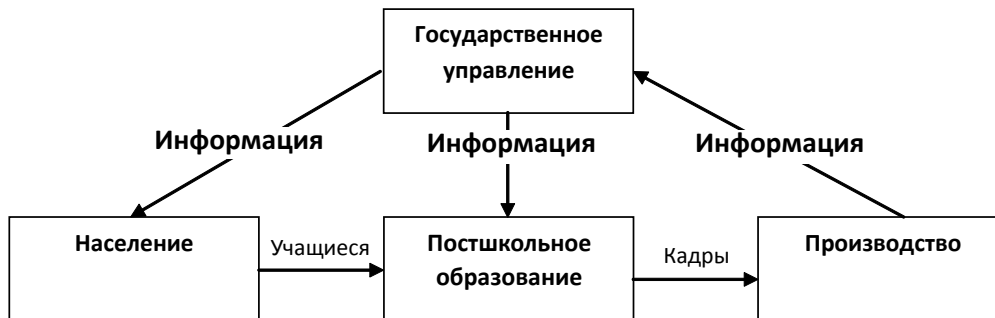

Рис. 1. Идеальная технократическая модель взаимодействия производства, постшкольного образования, государственного управления и населения (граждан)

Такая система минимизировала бы конфликтные ситуации, когда учащийся не может получить желаемую специальность, а выпускник вуза не может найти рабочее место, соответствующее его специальности. С технократической точки зрения ее можно назвать идеальной.

Однако реально создать такую систему практически невозможно. Даже в советскую эпоху, когда сознательно пытались реализовать плановый подход к развитию производства и образования, в системе планирования набора учащихся и трудоустройства выпускников было много узких мест, которые сохраняются и в современном регулируемом рыночном хозяйстве.

Невозможность идеала. Прежде всего, трудно решить проблему значительного и неопределенного лага между изменением спроса на труд и изменением подготовки молодых специалистов. Предположим, сделан прогноз, что через 5–10 лет в мире следует ожидать активизации химического производства. Если уже сейчас увеличивать набор на специальности, связанные с химией, то может получиться так, что рост потока молодых специалистов-химиков существенно опередит развертывание национальной химической индустрии; многие молодые специалисты начнут работать не по специальности и к моменту активизации спроса на специалистов-химиков потеряют квалификацию. Если же увеличивать набор учащихся уже после активизации соответствующей отрасли, то в течение ряда лет эта отрасль будет испытывать кадровый голод и может вообще не получить развития в данной национальной экономике. Следует также учитывать, что точность прогноза обратно пропорциональна его протяженности во времени, а для реорганизации системы образования необходимы средне- и долгосрочные прогнозы сдвигов на рынке труда.

Другая проблема заключается в том, что далеко не все молодые люди, поступаая учиться после школы на конкретную специальность, на самом деле планируют по ней работать. Для многих юношей в нашей стране вуз – это отсрочка (или освобождение) от армии, для многих девушек – способ подбора партнеров для создания семьи. Молодые люди из «глубинки» поступают в вузы/ссузы крупных городов, чтобы переселиться в эти города. Во всех этих случаях профессиональная учебная специализация имеет второстепенное значение, важнее сама возможность поступить в вуз/ссуз.

Самое главное, если до учебных заведений довести информацию о требуемых структурных изменениях относительно легко, то до сознания обычных граждан – гораздо труднее. Решения о профессиональной специализации выпускника школы принимаются далеко не всегда рационально, очень часто – в условиях нехватки информации. Нередко решения принимаются по принципу семейной преемственности (сын ориентируется на профессию отца, дочь – на профессию матери), в результате чего копируется структура занятости давно минувших лет. Люди ориентируются на неформальную иерархию профессий, престижность которых определяется отнюдь не только ожидаемым вознаграждением за труд, но и обладает, как и любой другой неформальный институт,

очень высокой инерцией. Однако престижность и востребованность профессий (спрос на работников данной профессии) часто не прямо, а обратно пропорциональны друг другу. Одним словом, даже в советской плановой экономике завершение школы становилось началом своего рода «русской рулетки», в которой далеко не всем выпадал шанс удачно выбрать будущую профессию.

В условиях рыночного хозяйства решение проблемы «подгонки» профессиональной структуры набора учащихся под ожидаемую структуру рабочих мест становится еще более трудным. Это связано с ростом самостоятельности учебных заведений, которые ориентируются не столько на прогнозы развития спроса производителей на труд, сколько на спрос граждан на образование. Предположим, многие хотят стать филологами и историками (профессии «утонченных интеллектуалов»), но мало кто – строителями и транспортниками (более «грубые» профессии). Что ж, вузы и ссузы (особенно, коммерческие) охотно примут на платные места массу молодых людей, которым гарантированы после окончания учебы *очень* большие трудности с трудоустройством. Ведь «потребитель всегда прав». Эта проблема, в частности, привела в 2006 г. во Франции к бурным демонстрациям студентов, которых крайне возмущало, что окончание престижных вузов по престижным профессиям могло стать началом «карьеры» безработного.

Реальная модель. Таким образом, реальная модель взаимодействия постшкольного образования, государственного управления и населения строится в современных странах по алгоритму (рис. 2), существенно отличающемуся от идеальной модели. В этой модели существенный разрыв между профессиональными структурами спроса граждан на образование, предложения образовательных услуг и спросом производителей на труд становится скорее правилом, чем исключением. Эти разрывы (дисбалансы) можно назвать *«структурно-профессиональными диспропорциями»*: производству нужна одна структура профессиональных кадров, вузы и ссузы обеспечивают существенно другую, а граждане желают реализовать какую-то третью.

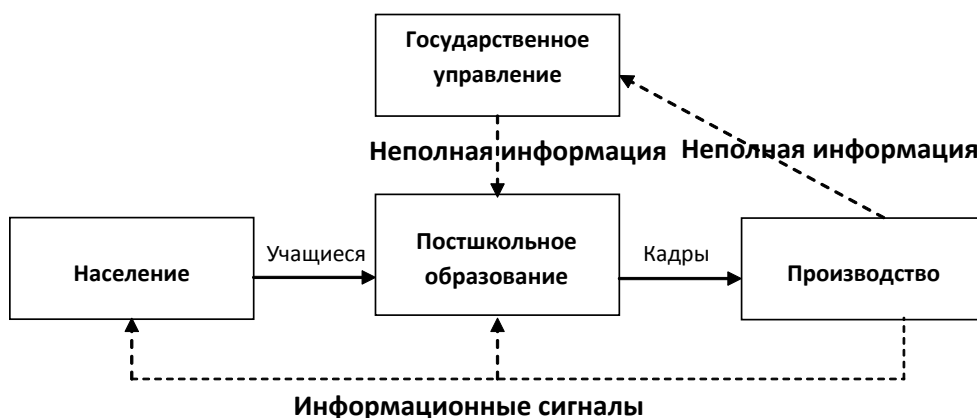

Рис. 2. Реальная модель взаимодействия производства, постшкольного образования, государственного управления и населения (граждан)

Характер и формы проявления этих диспропорций существенно зависят от того, к какому типу относится конкретная национальная экономика. Принципиально значимым моментом является культурная специфика (национальная экономическая культура).

В качестве примера противоположностей можно взять США и Индию. В Америке престиж профессии связан, прежде всего, с уровнем обеспечиваемых доходов, который, в свою очередь, отражает соотношение спроса и предложения на рынке труда. К тому же здесь принято активно подрабатывать во время учебы, в том числе по специальности. В Индии же, как и в большинстве стран восточных цивилизаций, существует исторически обусловленная высокая престижность гуманитарного образования, которое ассоциируется с образом жизни высших социальных групп в доколониальную эпоху. Это долгое время приводило к перепроизводству студентов-гуманитариев и недопроизводству молодых специалистов по сельскому хозяйству и техническим специальностям⁴.

⁴ См., например: (Нуреев, 1988. С. 11).

Структурно-профессиональные диспропорции наиболее актуальны для стран догоняющего развития, где сфера образования во многом автономна от сферы производства, а предпочтения граждан существенно отличаются от требований рынка труда. Для транзитивных (экс-советских) стран, к которым относится и Россия, постановка проблемы взаимодействия системы образования и рынка труда тоже отнюдь не уникальна. Например, в 2000-2010-е гг. хорватские ученые (*Babić, Matković, Šošić, 2007*) и литовские эксперты (*Braziene, Dorelaitiene, 2012*) отмечали, что численность набора студентов по различным профессиям не отражает потребности рынка труда. Аналогичные наблюдения о дисбалансе рынка труда и системы образования можно встретить и в российской научной литературе, включая ряд диссертационных исследований (*Олисова, 2007; Руткевич, 2008; Кулагина, 2013; Галич, 2005; Шашкова, 2006 и др.*). Акцент при этом делается именно на «дисфункциональности взаимодействия» (удачный термин А.Э. Галича) рынка труда и рынка образовательных услуг. Позиция самих молодых людей (их спрос на образование) в этом взаимодействии обычно специально не анализируется, будто молодежь автоматически подстраивает свои претензии под предложение образовательных услуг вузами/ссузами (в реальной жизни происходит скорее обратное). Попыток систематизировать дисбалансы в треугольнике «молодежь – система образования – система производства» и комплексно их объяснить пока не было.

Рассмотрим, насколько велики структурно-профессиональные диспропорции в современной России.

2. Структурно-профессиональные диспропорции в трех сферах российской экономики

Методика анализа. Для выявления и приблизительной оценки структурно-профессиональных диспропорций предлагается следующая методика.

Сначала на основе статистических данных о сфере образования определяется профессиональная структура образовательных услуг, а также спрос на образование по специальностям и направлениям.

Профессиональная структура образовательных услуг определялась по данным о выпуске молодых специалистов разных специальностей и направлений из вузов и ссузов (включая учреждения начального профессионального образования). Строго говоря, структуру предложения образовательных услуг следует определять по данным о наборе учащихся. Однако в современных российских вузах «отсев» (уход в декрет, отчисление по неуспеваемости, перевод в другой вуз...) на протяжении от начального до выпускного курса относительно невелик (примерно 10-20% поступивших), причем на профессиональную структуру учащихся он влияет слабо. Поэтому для синхронного сопоставления структуры предложения образовательных услуг со структурой спроса на труд целесообразнее использовать именно статистику о профессиональной структуре выпуска молодых специалистов. Для анализа структурно-профессиональных диспропорций использовались ежегодные данные о выпуске вузов/ссузов за период 2004–2011 гг.⁵

Определить профессиональную структуру спроса населения на образование можно при помощи статистических данных о конкурсах на вступительных экзаменах в государственных и муниципальных высших и средних профессиональных учебных заведениях⁶ по разным профессиям (специальностям и направлениям), а также информации о фактическом приеме в этих же образовательных учреждениях. Для расчета спроса на определенную специальность/направление число учащихся, поступивших по данной специальности/направлению в вузы/ссузы, умножается на коэффициент конкурса на вступительных экзаменах. Суммарное количество заявок на учебу в образовательных учреждениях будет при такой методике значительно превышать количество потенциальных учащихся. Ведь многие окончившие школу подают документы одновременно в несколько вузов и будут учтены в совокупном спросе на образование несколько раз, хотя, конечно, каждый из

⁵ Нижняя граница периода обусловлена введением нового Общероссийского классификатора специальностей образования (ОКСО), утвержденного Госстандартом России от 30 сентября 2003 г. № 276-ст, а верхняя граница – запаздыванием публикации статистики в открытом доступе, а также введением в 2013 г. нового перечня специальностей и направлений подготовки в сфере высшего профессионального образования. Данные взяты из статистических сборников: (*Образование в Российской Федерации...*, 2010. Табл. 8.1.12; *Образование в Российской Федерации...*, 2012. Табл. 6.4.9, 6.5.27, 6.6.29; *Индикаторы образования...*, 2013. Табл. 4.22, 4.31, 4.41).

⁶ Данные о конкурсе в учебные заведения начального профессионального образования в государственной статистике не представлены.

них желает поступить лишь в один вуз. Рассчитывая совокупный спрос на постшкольное образование и его профессиональную структуру, можно исходить из упрощенной предпосылки, что такой повторный счет распространен в обучении разным профессиям примерно в одинаковой степени, поэтому проблема повторного счета не существенна. Данные о спросе населения на образование представлены за три года (2005, 2008 и 2011 гг.)⁷.

Труднее определить структуру спроса на молодых специалистов. Статистические данные о распределении численности занятых в экономике по уровню образования дадут искаженную картину, поскольку в нашей стране давно в одних сферах (например, в сфере услуг) наблюдается избыток высокообразованных специалистов, в других (например, в сельском хозяйстве) – их острый дефицит. Поэтому для определения структуры объективной потребности в специалистах целесообразно брать статистические данные о профессиональной структуре распределения по отраслям всех работников⁸. Тем самым предполагается, что в современном производстве отраслевой спрос на высокообразованных работников объективно должен быть прямо пропорционален численности занятых в отрасли. Здесь есть некоторая натяжка (даже в высокоразвитых странах отрасли различаются по наукоемкости), но не очень сильная, поскольку в эпоху НТР действует тенденция к выравниванию уровня развития разных сфер экономики. Кроме того предполагается, что спрос на молодых специалистов не учитывает ожидаемых структурных сдвигов в экономике; такая предпосылка правомерна, если анализируются относительно небольшие отрезки времени. Таким образом, структура спроса на молодых специалистов получена на основе статистических данных о структуре среднегодовой численности занятых в экономике, анализировалась ежегодная информация за 2004–2011 гг.

В используемой методике есть элемент асинхронности: структуру спроса на образование в данном году надо сопоставлять, строго говоря, со структурой производства не данного года, а того будущего года, когда основная часть бывших первокурсников уйдет работать. Поскольку же, как показывает статистика, во всех изучаемых структурных пропорциях на протяжении 2004–2011 гг. не было резких изменений, проблемой синхронности можно пренебречь.

Государственная статистика в сфере образования располагает данными по высшему и среднему специальному образованию по специальностям и направлениям подготовки, сгруппированным согласно кодам специальностей по ОКСО. В свою очередь статистика в сфере труда и занятости представляет данные о среднегодовой численности занятых в экономике по видам экономической деятельности. Эти две классификации с определенной долей условности могут быть совмещены.

Для выявления и анализа профессионально-структурных разрывов целесообразно использовать укрупненную классификацию (табл. 1), состоящую из пяти секторов:

- первичная сфера (сельское хозяйство, лесное хозяйство, рыболовство и т. д.);
- вторичная сфера, состоящая из двух субсфер – добывающих (добыча полезных ископаемых) и перерабатывающих (металлургия, энергетика и др.) отраслей;
- третичная сфера, также состоящая из двух субсфер – услуг для населения (образование, здравоохранение и др.) и производственных услуг (связь, транспорт, государственное управление и др.).

Использование такой укрупненной классификации объясняется прежде всего тем, что многие профессии дают возможность работать в разных отраслях. Например, инженерные специальности позволяют работать и в машиностроении, и в энергетике, и в легкой промышленности. Зато переходы из выделенных нами укрупненных секторов происходят реже, поскольку они слишком отличаются друг от друга характером труда. Правда, в третичном секторе такие переходы наблюдаются чаще (например, социолог может работать и в сфере образования, и в сфере науки, и в сфере государственного управления), но с этим упрощением придется смириться.

⁷ Информация о конкурсах в вузы/ссузы, к сожалению, есть не за каждый год, что не дает возможности отслеживать ежегодные изменения. Данные о конкурсе в вузы/ссузы за 2005 и 2008 гг. и о фактическом приеме взяты из статистических сборников: *Образование в Российской Федерации...*, 2006. Табл. 7.3.29, 7.4.32; *Образование в Российской Федерации...*, 2010. Табл. 8.2.26, 8.2.33, 8.3.27, 8.3.34). Данные за 2011 г. любезно предоставлены авторам сотрудниками Федеральной службы государственной статистики.

⁸ Эти данные взяты из: *Федеральная служба...*, 2006. Табл. 5.6; *Федеральная служба...*, 2012. Табл. 5.5).

Выделение первичной/вторичной/третичной сфер целесообразно также с аналитической точки зрения, поскольку позволяет отслеживать макроэкономические пропорции, принципиально значимые с точки зрения теории экономических систем. Как известно, крупные эпохи (формации) в развитии общества различаются тем, что в доиндустриальных обществах доминирует первичный сектор (сфера экономики, в индустриальных обществах – вторичный, а в постиндустриальных – третичный сектор.

Итак, рассмотрим в соответствии с выделенными пятью секторами профессиональной деятельности соотношение профессиональных структур предложения образовательных услуг, спроса населения на образование и спроса на молодых специалистов в сфере производства.

Первичная сфера. В первичной сфере в современной России занята относительно незначительная доля работников, порядка 10%. Это связано с завершенностью еще в советский период первичной индустриализации, органически связанной с перекачиванием трудовых ресурсов из деревни в город. В данном аспекте Россия приближается к развитым странам, где доля занятых в не-городской экономике обычно не превышает 5%, и существенно отличается от стран «третьего мира» (типа Китая и Индии), где крестьяне составляют большинство.

Таблица 1

**Классификация видов экономической деятельности
и специальностей/направлений образования**

Сферы производства	Субсферы производства	Виды экономической деятельности, в соответствии с Росгосстатом	Специальности и направления учебной подготовки, в соответствии с кодами специальностей по ОККО
Первичная		Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство	Сельское и рыбное хозяйство, Геодезия и землеустройство, Воспроизводство и переработка лесных ресурсов, Безопасность жизнедеятельности, природообустройство и защита окружающей среды
Вторичная	Добывающие отрасли	Добыча полезных ископаемых	Геология, разведка и разработка полезных ископаемых
	Обрабатывающие отрасли	Обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, строительство	Энергетика, энергетическое машиностроение и электротехника, Металлургия, машиностроение и материалобработка, Авиационная и ракетно-космическая техника, Оружие и системы вооружения, Морская техника, Приборостроение и оптотехника, Автоматика и управление, Информатика и вычислительная техника, Химическая и биотехнологии, Технология продовольственных продуктов и потребительских товаров, Архитектура и строительство
Третичная	Производственные услуги	Транспорт и связь, финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг, государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	Физико-математические науки, Естественные науки, Гуманитарные науки, Социальные науки, Экономика и управление, Информационная безопасность, Транспортные средства, Электронная техника, радиотехника и связь
	Непроизводственные услуги	Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования, гостиницы и рестораны, образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг, предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	Образование и педагогика, Здравоохранение, Сфера обслуживания, Культура и искусство

Статистика показывает (рис. 3), что в нашей стране стабильно наблюдается значительное несоответствие между долей выпуска из вузов/ссузов по «сельским» специальностям и долей занятых в соответствующей сфере производства: в 2004–2011 гг. «сельская» занятость плавно снижалась с 11,4% всех работников до 9,9%, а выпуск молодых специалистов по «сельским» специальностям/направлениям – с 7,8% до 6,1%. Наблюдается стабильный полуторный разрыв, который в течение изучаемого периода практически не менялся.

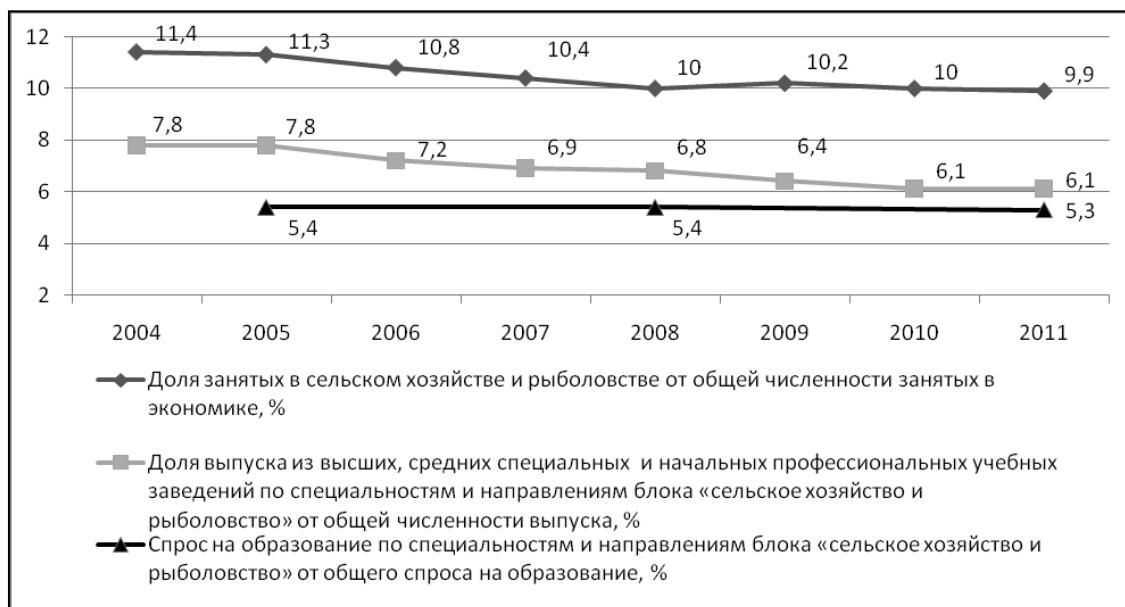

Рис. 3. Структурно-профессиональные диспропорции в первичной сфере российской экономики

Спрос населения на «сельские» специальности за этот период времени тоже оставался практически неизменным. Он очень низок – немногим более 5% от общего спроса на образовательные услуги. При этом доля выпуска по «сельским» специальностям и направлениям от общей численности выпуска постоянно превышает долю спроса на образование в этом блоке специальностей и направлений от общего спроса на образование. Налицо тенденция, сложившаяся еще в СССР: сельская молодежь стремится покинуть «деревню» (вариант: родители-сельчане стремятся «устроить» своих детей в «город») и выучиться «городским» профессиям, однако не слишком высокий уровень «деревенского» школьного образования позволяет молодым сельчанам получать образование в основном по «сельским» специальностям, на которые ниже входные барьеры (конкурс и проходной балл)⁹.

Однако если проследить динамику, то даже на малом отрезке времени заметна переориентация образования с нужд производства на запросы граждан. В 2005 г. показатель структуры предложения образования (7,8%) находился где-то между низким показателем структуры спроса населения (5,4%) и гораздо более высоким показателем структуры спроса производства (11,3%). Спустя всего шесть лет разрыв между спросом производства и желаниями молодых людей остался почти тем же, зато разрыв между показателем структуры предложения образования (6,1%) и показателем структуры желания молодежи учиться (5,3%) почти исчез. Предложение «сельского» образования неуклонно сокращалось, что свидетельствует о стремлении системы образования более соответствовать спросу населения, чем потребностям производства.

Вторичная сфера. Вторичная сфера экономики в нашем исследовании делится на два блока (субсферы) – добычающие отрасли и обрабатывающие отрасли. Это связано с тем, что одной из

⁹ Можно предположить, что высокое предложение образовательных услуг по «сельским» специальностям/направлениям (из-за чего на них легче поступить) связано с политикой государства, которое целенаправленно стремится стимулировать подготовку молодых специалистов для первичной сферы производства. Ведь хотя отечественное сельское хозяйство не слишком эффективно, однако необходимо (точнее, считается необходимым) обеспечивать так называемую продовольственную безопасность, включающую самообеспечение страны основными продуктами питания.

краеугольных проблем развития постсоветской экономики справедливо считают резкие различия в эффективности этих двух групп отраслей: экспорт «сырых» полезных ископаемых (прежде всего, нефти и газа) составляет фундамент национальной экономики, в то время как обрабатывающие отрасли за некоторыми исключениями высокой конкурентоспособностью похвастаться не могут. Перефразируя Черчилля, никогда еще в экономической истории России столь многие не были так обязаны столь немногим: работники «геолого-промысловых» профессий (менее 2% всех работников) обеспечивают львиную долю благосостояния многочисленных работников остальных профессий.

Рис. 4. Структурно-профессиональные диспропорции в добывающих отраслях вторичной сферы

Интерес молодежи к образованию по специальностям/направлениям добывающих отраслей практически совпадает с потребностями производства в специалистах (рис. 4): и доля занятых в этих отраслях, и доля спроса на «геолого-промысловые» специальности/направления устойчиво находятся на уровне 1,5%. Можно сказать, что наблюдается редкий пример единства требований общества и интересов населения¹⁰.

Что касается позиции системы образования, то она от потребностей производства и от желаний граждан отстает. Это связано с тем, например, что специалисты с хорошими знаниями по «геолого-промысловым» наукам предпочитают получать высокую зарплату на производстве, чем гораздо более умеренную зарплату преподавателя. Однако система постшкольного образования стремится это отставание ликвидировать, что проявляется в росте доли выпуска специалистов добывающих отраслей в общем объеме выпуска дипломированных специалистов (с 0,8% в 2004 г. до 1,0% в 2011 г.).

Таким образом, главная структурно-профессиональная диспропорция в добывающих отраслях связана с отставанием предложения образовательных услуг как от производственного спроса, так и от спроса на образование.

Обрабатывающие («промышленные» в полном смысле слова¹¹) отрасли демонстрируют существенно иную картину.

Интерес к специальностям обрабатывающих отраслей со стороны населения довольно высок – более чем каждый пятый молодой человек хотел бы получить профессию для рабо-

¹⁰ Такое соответствие можно объяснить тем, что профессии геолога или нефтяника имеют с советских времен высокий имидж и ассоциируются с высокой зарплатой, но одновременно требуют не очень типичного сочетания интеллекта и выносливости. Скорее всего, в этих отраслях высока доля трудовых династий, что обеспечивает точное восполнение оттока работников старших возрастов притоком их детей как потенциальных молодых специалистов.

¹¹ Строго говоря, к промышленности следует относить и рыболовную промышленность, и добычу полезных ископаемых. Однако первичные ассоциации, которые вызывает термин «промышленность», связаны именно с обрабатывающими отраслями (машиностроение, энергетика...), сформировавшимися во время промышленной революции.

ты именно в этом секторе экономики (рис. 5). Однако производственные потребности заметно выше: в этих отраслях сейчас занят более чем каждый четвертый российский работник. Можно констатировать, что интерес молодежи к «промышленному» труду ниже, чем производственный спрос на такой труд.

Во второй половине 2000-х гг. в данной сфере наблюдался сильный разрыв между умеренным спросом со стороны населения, существенно более высоким предложением образования и еще более высоким объективным спросом на труд со стороны производства. Однако к началу 2010-х гг. одна из этих диспропорций практически исчезла – показатель предложения образования снизился до уровня показателя спроса на образование. Ситуация в этой сфере экономики повторяет ранее рассмотренную ситуацию в первичной сфере: в обоих случаях спрос молодежи на «не очень» престижные профессии сильно отстает от спроса на труд по этим профессиям; система постшкольного образования сначала пытается выдерживать «среднюю линию» между требованиями производства и желаниями учащихся, но затем выбирает четкую ориентацию на интересы потребителей образовательных услуг в ущерб интересам работодателей.

Таким образом, главная структурно-профессиональная диспропорция в добывающих отраслях связана с сильным отставанием предложения образовательных услуг и спроса на образование от производственного спроса.

Рис. 5. Структурно-профессиональные диспропорции в обрабатывающих отраслях вторичной сферы

Третичная сфера. Третичная сфера производства представлена производственными услугами (услугами для производителей – предприятий и организаций) и непроизводственными услугами (услугами для людей). Как известно, «разбухание» сферы услуг является одним из главных симптомов завершения индустриальной эпохи и перехода к постиндустриальному (сервисному) обществу. В то же время многие страны «третьего мира» переживают аналогичные процессы «разбухания» в городах сервисной деятельности: это связано не столько с анклавным развитием элементов постиндустриального общества, сколько с оживлением доиндустриальных форм сервиса (торговля, ремонт, уборка мусора, «общепит» и др.).

В современной России специальности, относящиеся к сфере производственных услуг, крайне популярны: не менее половины всей молодежи стремятся получить образование именно в этом секторе экономики (рис. 6). Именно к этому сектору относятся ученые (люди с не очень высокими доходами, но с высоким престижем) и управленцы (люди с очень разной репутацией, но, как пра-

вило, с высокими доходами). Этот интерес более чем вдвое превосходит потребности реального производства в этой области: если в 2005 г. разрыв обозначался показателями 52,8% и 21,8%, то в 2011 г. – 50,1% и 23,3%.

Такой огромный спрос со стороны населения не остается без ответа: если в 2000-е гг. предложение образовательных услуг занимало позицию несколько ниже чрезмерного спроса населения на этот вид образования, то к началу 2010-х гг. предложение образовательных услуг в данной сфере сравнялось со спросом на них и немного его превысило. Образование явно стремится удовлетворить текущие пожелания клиента (молодого человека – экс-школьника) даже в ущерб его будущему. Ведь большое перепроизводство учащихся по специальностям этого блока не гарантирует молодым специалистам (экономистам, социологам, юристам...) ни работу по специальности, ни соответствующего уровня образования заработка. Таких высоких структурно-профессиональных разрывов между предложением образования и нуждами производства нет ни в одном из других четырех секторов. Возможно, это связано с тем, что обучение в данной субсфере относительно легко расширить, ведь преподаватель социологии или юриспруденции не слишком нуждается в дорогом учебном оборудовании и вполне может обходиться традиционным инструментарием (например, классной доской).

Рис. 6. Структурно-профессиональные диспропорции в отраслях производственных услуг третичной сферы

Ситуация в отраслях непроектированных услуг третичной сферы совсем иная (рис. 7).

Доля спроса на образование по специальностям и направлениям блока «непроизводственные услуги» (примерно 20%) существенно ниже доли занятых в соответствующем секторе экономики (около 40%), наблюдается большое недопроизводство кадров. К этому сектору относятся, прежде всего, врачи и учителя – представители профессий, которые в 1990-е оказались на «голодном пайке». Правда, во второй половине 2000-х, когда правительство существенно повысило зарплату учителям и врачам, ситуация начала меняться к лучшему. Это заметно по росту с конца 2000-х гг. доли спроса молодых людей на специальности/направления данной сферы (с 17,8% в 2008 г. до 21,0% в 2011 г.).

Образование в данной субсфере четко сориентировано на спрос населения, разрыв между ними в начале периода практически отсутствовал. В то же время последние тенденции повышения интереса молодежи к профессиям непроектированной сферы до 2011 г. не успели найти отражения в росте предложения соответствующего образования.

Рис. 7. Структурно-профессиональные диспропорции в отраслях непроизводственных услуг третичной сферы

В целом структурно-профессиональные диспропорции в этой субсфере значительны. Главный разрыв – между высоким производственным спросом и низким спросом населения на образовательные услуги, с которым почти совпадает предложение этих услуг.

Общие оценки. Сформулируем теперь некоторые общие оценки проявления структурно-профессиональных диспропорций в современной России, сопоставляя ситуацию в различных сферах и субсферах экономики (табл. 3).

Наименьшие диспропорции наблюдаются между структурами спроса на образование и предложения образовательных услуг. Это ожидаемо, поскольку, как ранее отмечалось, в условиях рыночного хозяйства образование и должно реагировать в первую очередь на пожелания непосредственных потребителей его услуг.

Здесь наблюдается некоторое отставание предложения образовательных услуг от спроса на них, но локально. В нашем анализе самая сильная диспропорция такого рода обнаружена в добывающих отраслях вторичной сферы, поскольку в этом секторе очень мал набор профессий (и, соответственно, учебных специализаций/направлений). Такие диспропорции должны формироваться в основном там, где образование характеризуется высокой капиталоемкостью (необходимостью организовывать лаборатории, покупать дорогое оборудование, нанимать высококвалифицированных специалистов).

Более сильные диспропорции наблюдаются между структурами спроса на образовательные услуги и спросом производства на труд. В современной России слишком многие родители хотят «устроить» своих детей на профессии юристов, ученых, администраторов, психологов совершенно независимо от того, каковы возможности трудоустройства по этим профессиям¹².

В результате мы видим одну большую диспропорцию: на специальности/направления сферы производственных услуг третичной сферы спрос населения чрезмерен в сравнении с потребностями производства, на почти что все другие специальности/направления он недостаточен. По данному аспекту диспропорции нет только в добывающих отраслях вторичной сферы, где, видимо, в большей степени сохраняется институт трудовых династий.

¹² В нашей стране интерес к обучению по различным специальностям/направлениям со стороны молодежи традиционно сильно связан с той долей, которую занимают эти специальности в реальном производстве. Это объясняется высокой наследственностью социальных статусов: молодые люди психологически «запрограммированы» уважать «наследие предков» и повторять в несколько улучшенном виде жизненный путь родителей, выбирая если и не такую же, то, по крайней мере, сходную профессию (например, дети школьного учителя стремятся стать вузовскими преподавателями). Однако социально-экономические «ломки» последних десятилетий привели к ослаблению этой преемственности.

Самые сильные диспропорции наблюдаются между структурой образовательных услуг и структурой спроса производства на труд. Как отмечалось, образование ориентируется не на нужды производства, а на спрос населения в сфере образования (на заинтересованность в соответствующем обучении). Как следствие, чем больше спрос на специальности со стороны населения отличается от нужд производства, тем сильнее разрыв между требованиями производства и удовлетворением этих требований со стороны системы образования. Так как общественные представления о профессиях, актуальных и востребованных на производстве, отстают во времени от нужд производства, то при ориентации образования на спрос со стороны населения закономерно происходит его системное отставание от производственных реалий.

Таким образом, наблюдается *перепроизводство услуг по обучению специальностям/направлениям сферы производственных услуг третичной сферы и недопроизводство образовательных услуг на все другие специальности/направления.*

Графическое сравнение профессиональных структур спроса молодежи на образование, предложения образования в вузах/ссузах (которое одновременно является предложением молодых специалистов) и спроса работодателей на труд (рис. 8, 9) на 2005 г. и на 2011 г. демонстрирует динамику процесса. Мы видим, что за эти 6 лет *сгладились изначально небольшие диспропорции между спросом и предложением образования, но зато сохранились сильные диспропорции между спросом и предложением образования, с одной стороны, и спросом на труд – с другой.*

Таблица 3

**Сводная информация о структурно-профессиональных диспропорциях
в России 2000–2010-х гг.**

Сферы производства	Субсферы производства	Структурно-профессиональные диспропорции		
		Соотношение структур спроса населения на образование и спроса производства на труд	Соотношение структур спроса населения на образование и предложения образовательных услуг	Соотношение структур предложения образовательных услуг и спроса производства на труд
Первичная		Доля спроса на образование <i>вдвое ниже</i> доли спроса на труд	Доля спроса на образование <i>несколько ниже</i> доли предложения образования, происходит их сближение	Доля предложения образования <i>существенно (в 1,5 раза) ниже</i> доли спроса на труд
Вторичная	Добывающие отрасли	Доля спроса на образование практически <i>равна</i> доле спроса на труд	Доля спроса на образование <i>существенно (в 1,5 раза) выше</i> доли предложения образования	Доля предложения образования <i>существенно (в 1,5 раза) ниже</i> доли спроса на труд
	Обрабатывающие отрасли	Доля спроса на образование <i>несколько (примерно на 1/4) ниже</i> доли спроса на труд	Доля спроса на образование была <i>несколько ниже</i> доли предложения образования, произошло их сближение	Доля предложения образования <i>несколько (примерно на 1/5) ниже</i> доли спроса на труд
Третичная	Производственные услуги	Доля спроса на образование <i>более чем вдвое выше</i> доли спроса на труд	Доля спроса на образование практически <i>равна</i> доле предложения образования	Доля предложения образования <i>более чем вдвое выше</i> доли спроса на труд
	Непроизводственные услуги	Доля спроса на образование <i>менее чем вдвое ниже</i> доли спроса на труд	Доля спроса на образование практически <i>равна</i> доле предложения образования	Доля предложения образования <i>более чем вдвое ниже</i> доли спроса на труд

Проведенный анализ статистической информации подтвердил широко распространенные представления, что в современной России наблюдаются диспропорции в желаниях молодых людей и в деятельности вузов/ссузов, объективно ориентированных скорее на «грядущее пост-индустриальное общество», чем на реальные нужды современной российской экономики. Новым моментом является констатация, что резкая переориентация вузов/ссузов на максимальное приближение к желаниям молодежи произошла буквально на наших глазах, во второй половине 2000-х гг.

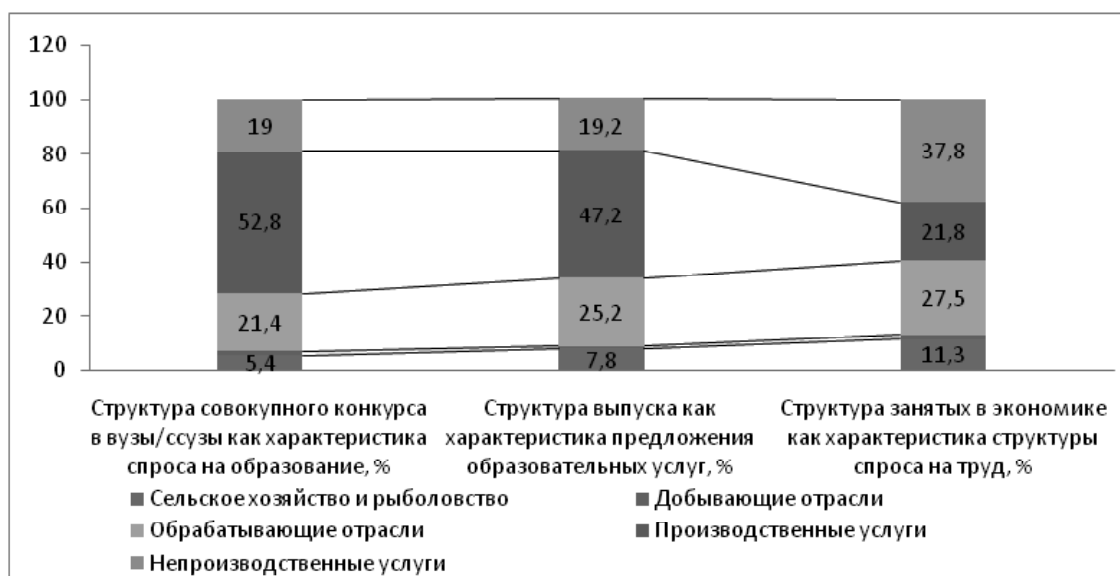

Рис. 8. Сравнение профессиональных структур спроса молодежи на образование, предложения им образования в вузах/ссузах и спроса работодателей на труд, 2004 г.

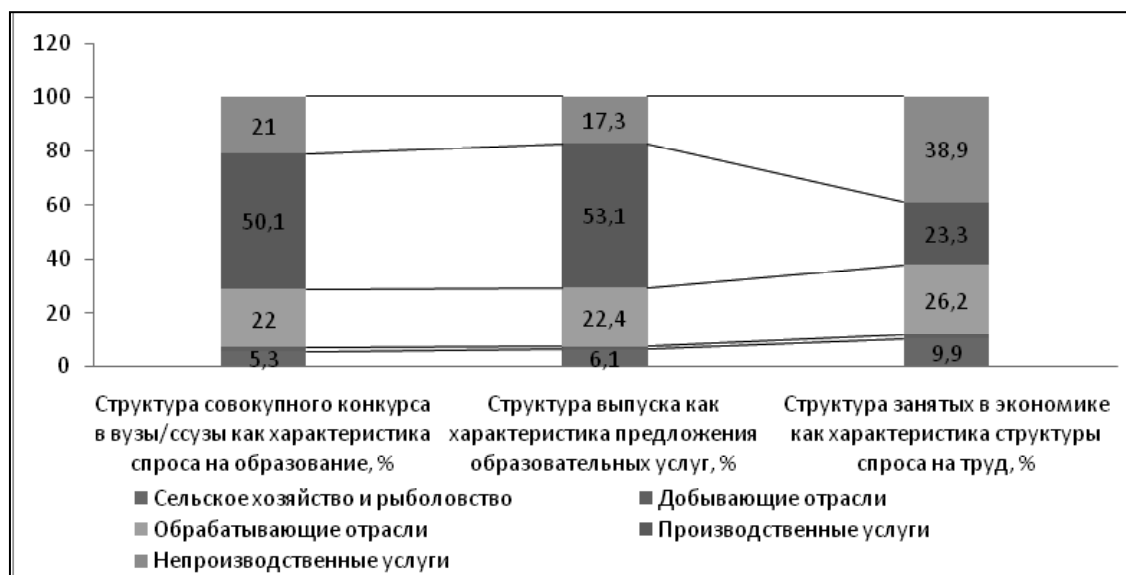

Рис. 9. Сравнение профессиональных структур спроса молодежи на образование, предложения им образования в вузах/ссузах и спроса работодателей на труд, 2011 г.

Дальнейшие углубленные исследования могут детализировать ситуацию – масштабы диспропорций – по отдельным профессиям и специальностям/направлениям.

Как же объяснить возникновение и воспроизводство этих диспропорций?

3. Причины структурно-профессиональных диспропорций в современной России

Чтобы комплексно объяснить выявленные диспропорции между спросом на труд молодых специалистов, спросом на образование и предложением образования, надо обратить особое внимание на институционально обусловленную мотивацию молодых людей и их родителей¹³. Ведь главными акторами в системе взаимодействия производства и постшкольного образования являются именно они, поскольку, как уже отмечалось, сфера образования ориентируется в основном именно на спрос населения.

Другие акторы современной российской системы формирования молодых специалистов по траектории «школа → вуз/ссуз → производство» играют менее важную роль. Сфера производства в современной России просто не имеет каналов прямого влияния на сферу образования в целом и на социальное поведение молодых людей, решающих, «делать жизнь с кого». Постсоветское государство такие каналы имеет (прежде всего, это Минобрнауки), однако использует их не слишком активно. Видимо, оно вполне сознательно стремится «предоставить делам идти своим ходом», как это должно быть в классическом рыночном хозяйстве.

Авторы данной статьи, обобщая обширную информацию, рассеянную в научной литературе, предлагают разработанную ими сводную типологизацию тех институтов («правил игры»), под влиянием которых молодые люди и/или их родители принимают решения о постшкольной учебе и работе (см. табл. 4).

Согласно предлагаемой типологии, на социальное поведение молодых людей в системе «школа → вуз/ссуз → производство» влияют не только институты, непосредственно связанные с рынками труда и образовательных услуг, но и так называемые «фоновые институты» – те общие «правила игры», которые являются внешними по отношению к сферам обучения и производства.

Кроме того, в принятии решения об учебе или работе предлагается различать три стадии: решение о типе будущей деятельности (после школы – учеба, или работа, или армия; после вуза/ссуза – работа или добровольная безработица) решение о профессиональной специализации в учебе или работе; решение о конкретном вузе/ссузе или предприятии/учреждении. Молодой человек решает эти три вопроса последовательно, при этом невозможность решить очередной вопрос может приводить к вынужденной отмене предыдущих решений¹⁴.

Институциональные факторы, связанные с рынком труда, можно классифицировать следующим образом:

1. Факторы спроса на труд молодежи (в таблице факторы 1–4), т. е. характеристики готовности работодателей нанимать за определенную цену определенное количество молодых работников с определенным человеческим капиталом.

Это – наиболее элементарные факторы, изучаемые в рамках экономической теории труда. Для анализа поведения работников целесообразно разделять фактор норм оплаты работников разных профессий и собственно спроса на труд (рабочую силу) – на определенное количество работников. Принципиально важно дифференцировать спрос работодателей в зависимости от того, какую квалификацию имеет работник. В рамках «экономической теории классной доски» предполагается возможность замены одного «дорогостоящего» квалифицированного работника несколькими «дешевыми» малоквалифицированными. В реальной современной экономике такая замена во многих профессиях невозможна, работники разной квалификации образуют разные рынки труда.

2. Факторы информированности молодежи о спросе на труд (факторы 5–7).

Поступками людей управляют не столько сами объективные жизненные обстоятельства, сколько знание людей о них. Соответственно, поведение потенциального работника на рынке труда зависит не только от спроса на труд, но и от возможности получить знания об этом спросе. Асимметрия информации (работодатели знают о спросе на труд лучше, чем работники) может частично преодолеваться при помощи разных институтов – например, государственной системы распределения или помощи старых выпускников новым.

¹³ См. по данной проблеме, например: (Попова, 2014).

¹⁴ Например, выпускник школы хочет поступать в вуз и желает обучаться на историка, однако поиск подходящего вуза показывает невозможность удовлетворения этих желаний; тогда молодой человек либо выбирает другую специальность вузовского обучения, либо вообще отказывается от поступления в вуз в текущем году.

3. Факторы дифференциации рынков труда для молодежи по регионам, формам собственности и др. (факторы 8–9).

Рынки труда (как и других экономических благ) дифференцированы по многим критериям. В российских условиях наиболее важными факторами дифференциации являются, видимо, региональность и форма собственности предприятия. В современной России молодые работники одинаковой квалификации, работающие на одинаковых должностях, могут получать очень разную реальную оплату, если один из них работает в фирме в столичном мегаполисе, а другой – на государственном предприятии в райцентре.

Институциональные факторы, связанные с рынком образовательных услуг, следует классифицировать следующим образом:

1. Факторы предложения образовательных услуг для молодежи (в таблице факторы 10–12), т. е. характеристики готовности вузов/ссузов принимать на определенных условиях определенное количество учащихся с определенными исходными знаниями.

Даже при отсутствии платы за обучение взаимоотношения экс-школьников и вузов/ссузов можно уподобить рынку, где входной платой являются баллы за вступительные экзамены (раньше) или за сдачу ЕГЭ (сейчас), а аналогом предложения рабочих мест является предложение приемных мест. Баллы и плата за обучение выступают как ограниченные субституты: если ребенок набрал на ЕГЭ относительно низкие баллы, родителям придется больше платить за его обучение (либо нелегально покупать документ о сдаче ЕГЭ с высокими баллами).

2. Факторы информированности молодежи о рынке образовательных услуг (факторы 13–14).

Как и на рынке труда, на рынке образовательных услуг существует асимметрия информации: продавцы услуг (сотрудники вузов/ссузов) знают об условиях поступления и о качестве услуг больше, чем школьники и их родители. Эта асимметрия снижается (точнее говоря, должна снижаться) при помощи специальных маркетинговых действий продавцов образовательных услуг.

3. Факторы государственных преференций (фактор 15).

Образование (как и, например, здравоохранение) является отраслью экономики с сильными положительными экстернальными эффектами и одновременно формой социальной поддержки. Поэтому государство вводит льготы для отдельных категорий молодых россиян, нередко руководствуясь соображениями, далекими от экономических (например, льготы для юношей, отслуживших в армии).

4. Факторы дифференциации рынков образования для молодежи по регионам и др. (факторы 16–19).

Рынки образования также дифференцированы по разным критериям – прежде всего, по региональности. В частности, авторы в предыдущих публикациях отмечали, что в столичных мегаполисах (Москва и Санкт-Петербург) концентрация студентов существенно превышает концентрацию населения, в то время как в «провинции» существует обратная тенденция (Латов, Латова, 2013). Этот «столицецентризм» дополняется дифференциацией регионов по качеству образования, по его оплате и т. д.

Последняя группа институциональных факторов, называемых нами *фоновыми факторами*, делится на следующие группы:

1. Общекультурные стереотипы (факторы 20–23) – нормы и ценности, типичные в той или иной степени для всех молодых россиян.

Некоторые примеры таких стереотипов уже приводились в начальных разделах статьи: это престижность учебы и вообще тех видов деятельности, которые не связаны с физическим трудом, а также низкая самостоятельность (инфантильность) многих молодых людей, слишком склонных некритически подчиняться советам родителей.

2. Гендерные стереотипы (факторы 24–27) – факторы, специфичные для поведения юношей или девушек.

Одни из этих стереотипов хорошо известны – речь идет, прежде всего, о стремлении юношей при горячей поддержке их родителей избежать призыва в армию. Другие менее очевидны: в частности, многие девушки в вузах или сразу после их окончания выходят замуж и начинают вести жизнь домохозяйек, занятых воспитанием детей, но нет ясности, в какой степени такие жизненные траектории являются результатом сознательного выбора.

Таблица 4

**Типология институциональных факторов, влияющих
на принятие молодыми людьми решений об образовании и о занятости**

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ	Поступление в вуз			Поступление на работу		
	Выбор поступления в вуз	Выбор специальности	Выбор вуза	Выбор поступления на работу	Выбор профессии	Выбор места работы
Связанные с рынком труда						
1. дифференциация профессий по оплате		+			+	
2. спрос на неквалифицированный труд	+					
3. спрос на высококвалифицированную (профессионально обученную) рабочую силу		+		+	+	
4. спрос на ограниченно-квалифицированную (обученную не по профессии) рабочую силу		+		+	+	
5. наличие/отсутствие информации о рынке труда	+	+		+	+	+
6. рудименты государственной системы распределения рабочей силы						+
7. наличие/отсутствие системы помощи выпускникам в трудоустройстве				+	+	+
8. дифференциация регионов по уровню развития						+
9. дифференциация предприятий по зарплате и социальной инфраструктуре						+
Связанные с рынком образовательных услуг						
10. система набора баллов для поступления в вуз	+	+				
11. дифференциация профессионального обучения по оплате		+				
12. предложение разных видов образования		+				
13. наличие/отсутствие открытой информации о рынке образовательных услуг (СМИ, интернет)	+	+			+	
14. агитационные действия школ и вузов/ссузов	+	+			+	
15. государственная образовательная политика	+	+				
16. различия конкурсов в разных вузах					+	
17. дифференциация вузов по оплате					+	
18. иерархия вузов/ссузов по качеству обучения					+	+
19. «столицентризм» образовательных учреждений					+	+

Окончание табл. 4

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ	Поступление в вуз			Поступление на работу		
	Выбор поступления в вуз	Выбор специальности	Выбор вуза	Выбор поступления на работу	Выбор профессии	Выбор места работы
Связанные с фоновыми институтами						
20. культурный стереотип престижности учебы/знаний	+					
21. инфантильность молодежи	+	+	+			
22. патриархальные нормы взаимодействия родителей и детей (стремление жить с родителями)						+
23. инерционная иерархия престижа профессий		+		+	+	
24. желание юношей «откосить» от призыва в армию	+					
25. желание общаться со сверстниками в поисках партнера/супруга	+					
26. гендерные стереотипы выбора профессии		+			+	
27. семейно-фертильное поведение				+		+
28. желание сменить место проживания	+		+			+
29. уровень развития рынка жилья			+	+		+
30. уровень развития транспортных коммуникаций				+		+
31. имущественная дифференциация домохозяйств	+	+	+	+	+	
32. дифференциация домохозяйств по включенности в социальные сети	+	+	+			+

3. Факторы миграционного поведения, которые связаны с пространственной мобильностью молодых людей (факторы 28–30).

У России есть две характеристики миграционного поведения молодежи, резко отличающие нашу страну от большинства европейских стран. С одной стороны, в России не завершилось выравнивание качества жизни в разных типах поселений, жители деревень/сел и малых городов стремятся любой ценой переселиться в большие города. С другой стороны, в стране плохо развит рынок жилья, не обустроены дороги, поэтому переезд для обучения или работы из одного города в другой создает очень серьезные проблемы. В результате наличие у вуза или предприятия общежития для приезжих нередко становится для молодого человека важнейшим фактором выбора, перевешивающим все остальные соображения.

4. Факторы дифференциации домохозяйств, регулирующие способность родителей помогать своим детям (факторы 31–32).

Во всем мире среди молодых людей есть «золотая молодежь» и «дети трущоб». Вступление молодых людей в профессиональную деятельность может эти исходные различия сглаживать (в меритократических обществах), сохранять или усиливать. Россия в этом плане близка к странам «третьего мира», в которых система образования и молодежной занятости служит не столько «социальным лифтом», сколько дополнительным механизмом социальных неравенств¹⁵. Наличие/отсутствие у родителей финансового и, особенно, социального капитала очень заметно расширяет или сужает возможности выбора молодыми людьми специальностей/направлений обучения и профессии для работы после вуза/ссуза.

Задачей дальнейших исследований, связанных, прежде всего, с организацией социологических опросов молодежи, является анализ степени сравнительной значимости выделенных нами 32 факторов (или, по крайней мере, наиболее важных из них), влияющих на поведение молодежи при выборе профессии, для объяснения воспроизводства структурно-профессиональных диспропорций. Отдельной аналитической проблемой станет аналогичное изучение институциональных факторов, определяющих поведение других акторов системы «школа → вуз/ссуз → производство», – работников учебных заведений, работодателей и государственных чиновников.

ЛИТЕРАТУРА

Галич А.Э. (2005). Дисфункциональность взаимодействия рынка труда и системы высшего образования в условиях трансформации России. Дисс. ... к. соц. н. Ставрополь.

Диденко Д.В., Латов Ю.В. (2013). Эволюция образовательных систем как института индустриального и постиндустриального развития // *Историко-экономические исследования*, № 3.

Индикаторы образования: 2013. (2013). М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Ключарев Г.А., Диденко Д.В., Латов Ю.В., Латова Н.В. (2014). Непрерывное образование – стимул человеческого развития и фактор социально-экономических неравенств. М.: ЦСПИМ, 433 с.

Константиновский Д.Л. (2010). Неравенство в сфере образования: российская ситуация // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 5 (99), с. 40–65.

Кулагина Е.В. (2013). Рынок труда и образования в России: дисбаланс спроса и предложения // *Госбук*. Доступно на: <http://www.gosbook.ru/node/76119>.

Латов Ю.В., Латова Н.В. (2012). Столицентризм как причина социального неравенства в российской системе высшего образования // *Общественные науки и современность*, № 2, с. 21–37.

Нуреев Р.М. (1988). Система образования Индии: проблемы развития // *Индия. 1987. Ежегодник*. М.: Наука.

Образование в Российской Федерации: 2006. (2006). М.: Изд-во ГУ–ВШЭ.

Образование в Российской Федерации: 2010. (2010). М.: Изд-во ГУ–ВШЭ.

Образование в Российской Федерации: 2012. (2012). М.: Издат. дом НИУ ВШЭ.

Олисова О.В. (2007). Высшее образование как капитал трудовых стратегий молодых специалистов: неоспоримые доказательства и оправданные сомнения // *Вестник Самарского государственного университета*, № 5/2 (55), с. 88–93. Доступно на: <http://vestnik-samgu.samsu.ru/gum/2007web52/soci/2007520304.pdf>.

¹⁵ См. по этой проблеме, например: (Константиновский, 2010; Ключарев и др., 2014).

Попова Е.С. (2014). Мотивация и выбор в образовательных стратегиях молодежи // *Высшее образование в России*, № 1, с. 32–37.

Руткевич А.М. (2008). Сомнительные блага российского образования (inferior goods) // *Вопросы образования*, № 4, с. 111–127. Доступно на: <http://vo.hse.ru/en/2008--4/26561476.html>.

Федеральная служба государственной статистики (2006). Российский статистический ежегодник. М.: Росстат.

Федеральная служба государственной статистики (2012). Российский статистический ежегодник. М.: Росстат.

Шашкова С.Н. (2006). Взаимодействие высшего профессионального образования и рынка труда в условиях трансформации современного российского общества. Дисс. ... к. соц. н. Тула.

Babić Z., Matković T., Šošić V. (2007). Structural changes in tertiary education and impacts on the labour market // *Croatian Economic Survey*, no. 9 (9), pp. 125–165.

Braziene R., Dorelaitiene A. (2012). Transition of Youth from Education to the Labour Market: the Case of Lithuania // *Social Sciences / Socialiniai mokslai*, no. 3 (77), pp. 30–40. Available at: <http://kalbos.ktu.lt/index.php/Social/article/viewFile/2768/2019>.

REFERENCES

Didenko D.V. and Latov Y.V. (2013). The evolution of educational systems as an institution of the industrial and post-industrial development. *Historical and economic studies [Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya]*, no. 3. (In Russian.)

Education in Russia: 2006. (2006). Moscow: State University – Higher School of Economics Publ. (In Russian.)

Education in Russia: 2010. (2010). Moscow: State University – Higher School of Economics Publ. (In Russian.)

Education in Russia: 2012. (2012). Moscow: Publishing House of National Research University Higher School of Economics. (In Russian.)

Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2006). Statistical Yearbook of Russia. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2012). Statistical Yearbook of Russia. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

Galich A.E. (2005). Dysfunctional interaction between the labor market and higher education system under transformation of Russia. PhD dissertation. Stavropol. (In Russian.)

Indicators of Education in the Russian Federation: 2013. (2013). Moscow: Publishing House of National Research University Higher School of Economics. (In Russian.)

Klyucharev G.A., Didenko D.V., Latov Iu.V. and Latova N.V. (2014). Continuing education as a stimulus for human development and a factor of socio-economic inequalities. Moscow: IS RAS, 433 p. (In Russian.)

Konstantinovskiy D.L. (2010). Inequality in Education: Situation in Russia. *The Monitoring of Public Opinion: Economic & Social Changes*, no. 5 (99), pp. 40–65. (In Russian.)

Kulagina E.V. (2013). Market of labor and education in Russia: an imbalance of supply and demand. *Gosbook*. Available at: <http://www.gosbook.ru/node/76119>. (In Russian.)

Latov Y.V. and Latova N.V. (2012). «Metropolis centrism» as the cause of social inequality in Russian higher education. *Social Science and modernity*, no. 2, pp. c. 21–37. (In Russian.)

Nureev R.M. (1988). The Education system of India: a development problem. *India. 1987. A year-book*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian.)

Olisova O.V. (2007). Higher education as the capital for young specialists' labor strategies: indisputable evidence and reasonable doubt. *Herald of the Samara State University [Vestnik Samarskogo Gosudarstvenogo Universiteta]*, no. 5/2 (55), pp. 88–93. Available at: <http://vestnik-samgu.samsu.ru/gum/2007web52/soci/2007520304.pdf>. (In Russian.)

Popova E.S. (2014). Motivation and future choice in educational strategies of youth. *The journal «Vysshee obrazovanie v Rossii» (Higher education in Russia)*, no. 1, pp. 32–37. (In Russian.)

Rutkevich A.M. (2008). Inferior Goods. The Doubtful Benefits of Russian Education. *Educational Studies*, no. 4, pp. 111–127. Available at: <http://vo.hse.ru/en/2008--4/26561476.html>. (In Russian.)

Shashkova S.N. (2006). Interaction between the higher education and the labor market under modern Russian society transformation. PhD dissertation. Tula. (In Russian.)

Babić Z., Matković T. and Šošić V. (2007). Structural changes in tertiary education and impacts on the labour market. *Croatian Economic Survey*, no. 9 (9), pp. 125–165.

Braziene R. and Dorelaitiene A. (2012). Transition of Youth from Education to the Labour Market: the Case of Lithuania. *Social Sciences / Socialiniai mokslai*, no. 3 (77), pp. 30–40. Available at: <http://kalbos.ktu.lt/index.php/Social/article/viewFile/2768/2019>.